

Глава 30. Смена облика в темнице

Лю Сямин обернулся к Янь Хуайлину и с усмешкой произнес:

— Младший брат, ты хоть понимаешь, сколько возможностей открыл нашему учителю? Вернись ты в секту еще тогда, в Ваньлине, наставник, возможно, вспомнил бы о былых узах и нашел бы тебе место подле себя. Но ты решил пойти по кривой дорожке, и теперь он не проявит и тени милосердия.

Янь Хуайлин не мог говорить в полный голос, но ответил едва слышным, надтреснутым шепотом:

— Теперь, когда всему миру известно, что я — Чёрный гусь, чего еще вы хотите?

— О, ты слишком скромничаешь, — обрадовался Лю Сямин. — На своем пути ты доставил наставнику немало хлопот, но именно это заставило его искать иные тропы. Этот Цзан Е... С виду он холоден как лед, но сердце у него мягкое, он истинный благородный муж. И, учитывая ту долю снисхождения, что он питает к тебе, заполучить Свиток Долголетия будет проще простого.

— Хм... Если бы дело было только в свитке, Дун Хуан не стал бы так изощренно мучить нас с господином Цзаном, — Янь Хуайлин перевел взгляд на Цзян Вэньчжоу и добавил без тени почтения: — Если бы у него уже были зацепки, он, при его-то характере, не стал бы впутывать посторонних.

Цзян Вэньчжоу в ответ лишь звонко рассмеялся.

— Неужели ты, господин Янь, столь слеп?

Янь Хуайлин промолчал.

— Дун Хуан прекрасно знает, как жадно великие кланы смотрят на «Трактат о медицине», и не желает марать руки, якшаясь с мелкими сошками, — продолжал Цзян Вэньчжоу. — Раз уж вы с этим золотым гвардейцем Цзаном из Ваньлина взялись за дело, он просто устроился поудобнее, чтобы без лишних потерь забрать плоды ваших трудов.

— Если так, почему бы не дождаться, пока мы соберем весь свиток, а потом прихлопнуть нас обоих? — холодно бросил Янь Хуайлин. — Дун Хуан не из тех, кто выбирает трудные пути, когда есть короткие.

— Ты всё еще думаешь, что это просто государственные дела? — Цзян Вэньчжоу ехидно прищурился. — О вражде Дун Хуана и семьи Цзан ходят легенды. Неужели до тебя не долетали слухи?

Лю Сямин с любопытством наблюдал, как эти двое обмениваются колкостями, словно пересказывая старые предания.

— В былые годы, когда Дун Хуан был молод, — заговорил Цзян Вэньчжоу, — у него была... порочная связь с отцом Цзан Е, Цзан Чэ. Они клялись друг другу в вечной верности и собирались бежать. Но в разгар войны Цзан Чэ предал его, примкнул к армии Дау и пошел войной на Пять государств. В битве при Цзюньту Дау потерпело поражение. Дун Хуан, решив, что Цзан Чэ погиб, пал духом. В тот момент нагрянули кредиторы, и его, не владевшего тогда боевыми искусствами, продали в квартал развлечений. Несколько лет он жил как заурядный актер... Пока однажды не увидел на улице Цзан Чэ — живого, процветающего, в окружении жены и детей.

Янь Хуайлин замер.

— После этого Дун Хуан сбежал из «веселых кварталов», примкнул к школе Цзюэ и все силы отдал обучению, мечтая лишь об одном — отомстить за предательство. Цзан Чэ мертв, но его старший сын Цзан Е так на него похож... Разве мог Дун Хуан упустить шанс растоптать точную копию своего врага?

— Ха! — Лю Сямин звонко хлопнул в ладоши. — Надо же, господин Цзян, вы разбираетесь в мыслях моего учителя лучше него самого! В устах чужаков эта история обросла розовым туманом и книжной романтикой. На деле же всё было куда проще. Никакой любви там не было и в помине, но Цзан Чэ действительно оказался подлецом, заслуживавшим смерти. Что же до его сына... Учитель расправится с ним так, как ему будет угодно.

Цзян Вэньчжоу подался вперед:

— Лю Сямин, где же на самом деле Дун Хуан спрятал Свиток Долголетия?

— Слышали когда-нибудь о «Пилюлях бессмертия», упомянутых в свитке? — Лю Сямин пожал плечами. — Весь мир охотится за рукописью только ради этого рецепта. Если найдешь его, Свиток Долголетия станет лишь грудой макулатуры.

Янь Хуайлин, уже видевший части Трактата, понимал: даже если рецепт существует, это не просто список трав. Это методы приготовления, техники внутренней силы, особый образ жизни... Слова Лю Сямина могли обмануть Цзян Вэньчжоу, но не его.

Однако Цзян Вэньчжоу жадно оживился:

— У Дун Хуана есть этот рецепт?

— Именно, — улыбнулся Лю Сямин.

Янь Хуайлин пытался разгадать замысел наставника. Зачем отдавать рецепт этому чиновнику? Снова использовать чужие руки, как он использовал их с Цзан Е?

— Если я отдам тебе Янь Хуайлина, Дун Хуан отдаст мне рецепт? — уточнил Цзян Вэньчжоу.

— Именно так. Но есть еще кое-что... — Лю Сямин придвинулся к уху Цзян Вэньчжоу и что-то зашептал.

Чиновник мгновенно перестал улыбаться. Он бросил на Янь Хуайлина взгляд, полный такого ужаса, что тот невольно напрягся.

— Что такое, господин чиновник? — рассмеялся Лю Сямин. — Неужели вы испугались?

Цзян Вэньчжоу смотрел на Янь Хуайлина, и в его глазах мешались страх и какое-то странное сострадание. К глубокому изумлению Яня, чиновник медленно опустился перед ним на колени, отвесил несколько земных поклонов, а затем встал и, не проронив ни слова, поспешно вышел.

Сердце Янь Хуайлина тревожно екнуло.

— Что ты задумал на этот раз? — спросил он Лю Сямина.

Тот оскалился в жуткой улыбке:

— Скоро узнаешь, младший брат. Скоро.

Вернувшись в гостевые покои поместья Цзян, Цзан Е долго стоял у порога.

Ощущение, возникшее в тот момент, когда он сорвал маску Чёрного гуся, всё еще жгло сердце. Взгляд Янь Хуайлина... В нем было что-то такое, что он не смог разгадать. Горькая мольба? Объяснение?

Когда Яня уводили, он оборачивался, будто пытался докричаться сквозь тишину. Но если его оклеветали, почему он молчал? Тот Янь Хуайлин, которого он знал — безрассудный и острый на язык — никогда бы не стерпел подобного унижения.

Цзан Е шагнул в пустоту комнаты. В груди гулял холодный ветер, словно он стоял на краю глубокой пропасти. Положив руку на эфес меча, он медленно дошел до дверей комнаты Янь Хуайлина и, помедлив, вошел внутрь.

Лингуань Цзян еще не распорядился запечатать покои. Цзан Е понимал, что заходить сюда неправильно, но не смог совладать с собой. Он огляделся. Комната этого повесы должна была ломиться от роскоши, как и всё поместье Цзян Вэньчжоу, но взору открылась лишь аскетичная простота. Никаких безделушек, никакого золота. Лаконичность интерьера никак не вязалась с его показным легкомыслием.

Цзан Е уже собирался уходить, когда заметил на полу у двери полураскрытый веер. Он замер, затем медленно наклонился и поднял его. Это был тот самый веер, который он сам выбрал для Янь Хуайлина в уличной лавке.

«Почему ты... выбрал именно этот?»

«Ты сейчас в Тайяне. Рисунок на нем — дань уважения герою Шу Цзицзюю. Если будешь сражаться с таким веером, боевой дух не иссякнет».

«Это... нехорошо».

Цзан Е едва заметно и горько усмехнулся. Рисунок бамбука расплылся — бумагу явно не раз заливало водой. Он перевернул веер. Он помнил, что Янь Хуайлин безжалостно замарал каллиграфию на обороте.

Но теперь среди пятен грязи и бурых капель крови он заметил крошечный иероглиф в самом углу.

Цзан Е присмотрелся, и его сердце на миг перестало биться.

«Е».

«А если я и впрямь предпочитаю мужчин?»

«А если я серьезно, что тогда ты сделаешь, Цзан Е?»

Он вспомнил ту горькую улыбку Янь Хуайлина.

«Господин Цзан, вы слишком серьезны. Я просто шучу».

Шутка без тени веселья. Цзан Е слышал о «страсти обрезанного рукава», но всегда держался от этого подальше, не понимая, как мужчина может желать мужчину. И вот этот человек намеренно, раз за разом, втягивал его в свой мир, заставляя обращать внимание на то, от чего Цзан Е годами отворачивался.

Когда он служил императору Ци Минцзюню, многие женщины искали его расположения. Тогда, еще не достигнув двадцатилетия, он считал, что не создан для любви, и холодным отказом разбил сердце одной девушке. Она угасла от тоски и уехала в далекие края, и с тех пор красавицы лишь вздыхали по нему издали, не смея подойти.

Его сердце всегда было подобно стоячей воде. Оно не волновалось ни из-за кого.

Янь Хуайлин стал ему другом, почти братом... Но иные отношения? Это было невозможно.

Цзан Е сжал веер. Некоторые чувства он не понимал, а значит, не мог на них ответить. Долгий путь в тысячу ли связал их узами, которые меняют человека навсегда. Янь говорил, что его чувства искренни. Но разве Цзан Е не был искренен в своей дружбе? Никто прежде не заставлял его сердце так сжиматься от тревоги, никто не заставлял его бросаться в огонь и воду с такой готовностью.

Но Янь хотел большего.

Как он мог это дать?

Поступить так же, как с теми девушками? Оборвать нить сразу, чтобы не мучить другого?

«Господин Янь, впредь избавьте меня от подобных шуток».

Это был самый честный отказ, который он мог придумать.

Но почему же сейчас на душе так паршиво? Горечь, раздражение, беспокойство... и что-то еще, чему он не находил названия.

Почему этот несносный человек вечно создает ему проблемы, на которые нет ответов?

В тишине пустой комнаты раздался шум. Цзан Е поднял голову и увидел вошедшего Цзян Сюньцзяня.

— Господин Цзан?

— Господин Цзян, — Цзан Е сложил руки в приветствии, всё еще сжимая веер.

Сюньцзянь перевел взгляд на помятую бумагу:

— Это веер...

— Веер господина Яня, — подтвердил Цзан Е.

— Но как же он...

— Он никогда не расставался с ним, — Цзан Е нахмурился. — А теперь веер брошен здесь.

Цзан Сюньцзянь почувствовал скрытый смысл в этих словах.

— Вы думаете, господина Яня подставили?

Цзан Е не ответил, продолжая смотреть на иероглиф «Е».

— Если у вас есть сомнения, — предложил Сюньцзянь, — я могу доложить Лингуаню Цзяну, возможно, стоит пересмотреть решение...

— Не нужно. Где Янь Хуайлин сейчас?

— В темнице поместья, — ответил Сюньцзянь. — Если хотите допросить его, я сейчас же извещу...

— Господин! Господин! — в комнату ворвался запыхавшийся стражник.

Цзан Е и Сюньцзянь одновременно обернулись.

— Чёрный гусь... Янь Хуайлин... Он сбежал из темницы!

Когда Янь Хуайлина привели в новую камеру, он сразу понял — это не обычная тюрьма поместья Цзан. Здесь не было отдельных клеток, лишь просторный зал, уставленный изощренными орудиями пыток, от одного вида которых кровь стыла в жилах.

Стиснув зубы, Янь выждал момент, когда стражники потянули его руки к свисающим с потолка цепям. Он попытался применить технику Цзиншуй Мицюань, чтобы ускользнуть, но ноги внезапно подогнулись, и он рухнул на холодный пол.

Лю Сямин расхохотался:

— Ха-ха-ха! Младший брат, ты до сих пор не понял, что за лекарство проглотил? Забыл наставническое «Шисинь-чжоу»? В сочетании с «Одурманиванием костей» оно лишит тебя сил

и голоса на долгие годы. Ну как, оценил мастерство?

Стражники грубо вздернули обмякшее тело Яня и защелкнули кандалы на его запястьях.

— Ради такой пешки, как я, вы с учителем изрядно постарались, — выплюнул Янь Хуайлин, хотя лицо его покрылось испариной от предчувствия боли.

— Хочешь знать свою судьбу? — Лю Сямин подошел ближе. — Говорят, ты так привязался к этому золотому гвардейцу Цзану... Прямо зависть берет.

Янь Хуайлин молча сверлил его взглядом.

— С твоим-то талантом обольщения... Этот Цзан Е для тебя — недостижимый цветок на высокой скале, верно? — Лю Сямин усмехнулся. — И чем он недоступнее, тем слаще тебе играть в эту игру с самопожертвованием и безответной любовью.

— Какое тебе дело до моих чувств к Цзану? — хрипло отозвался Янь.

— Ты ведь любишь его, младший брат? — торжествующе прошептал Лю Сямин.

Янь Хуайлин закрыл глаза, не желая отвечать, но Лю Сямину ответ был не нужен.

— Как жаль тебя! — расхохотался он. — Первый меч империи, образец добродетели... Неужели ты думаешь, он погубит свою репутацию ради мужского фаворита? Сейчас он видит в тебе лишь врага и жаждет твоей смерти.

Янь знал, что это провокация, но образ Цзан Е, заносащего над ним меч, резанул по сердцу острой болью.

— Ладно, хватит игр. Раз уж ты в пыточной, приготовься, — Лю Сямин придвинулся к самому уху Яня. — Я хочу, чтобы ты на собственной шкуре ощутил, что такое «невозможное». Ты будешь смотреть, как Цзан Е гонит «Янь Хуайлина» до самого края света.

— Если ты думаешь управлять мной через заклятие, ты разочаруешься. Цзан Е знает ваши повадки, он сразу поймет, что я не в себе, — возразил Янь.

Лю Сямин вцепился в его подбородок, приблизив свое лицо почти вплотную.

— Именно поэтому... мне нужны более радикальные средства.

С этими словами он выхватил из рукава короткий нож. Лезвие мгновенно вошло в плоть у

самого края волос. Медленно, дюйм за дюймом, Лю Сямин начал срезать кожу с лица Янь Хуайлина.

Тишина темницы взорвалась безмолвным криком. Поврежденные связки Яня не могли издать ни звука, и вся невыносимая мука застыла в его широко раскрытых глазах. Кровь заливала всё вокруг. пытка длилась вечность. Когда Лю Сямин закончил, Янь Хуайлин, обливаясь потом и кровью, бессильно повис на цепях.

Лю Сямин поднял окровавленную маску — человеческое лицо.

— С этой кожей ты, Янь Хуайлин, навсегда останешься в памяти людей презренным вором Чёрным гусем.

Он приложил окровавленную плоть к своему лицу, словно маску, и ласково улыбнулся Яню:

— Ну как, я хорош? Твое лицо принесло тебе немало побед над красавицами, теперь оно послужит мне.

В глазах Янь Хуайлина поплыли белые пятна. Боль ослепляла, выжигая сознание. Он уже не слышал издевок. Где-то вдалеке свистнул кнут — стражники принялись полосовать его спину и грудь, но он лишь безвольно раскачивался на цепях, погружаясь в спасительную тьму обморока.

<http://bllate.org/book/17493/1713993>